

Гостева И. В.

О ПОНЯТИИ «ДИСКУРС» И ДИСКУРСИВНЫХ СТОРОНАХ КОНЦЕПТА

Гостева И. В.

кандидат
филологических
наук, доцент кафедры
филологии Миасского
филиала
Челябинского
государственного
университета

Анализ концептов в контексте культуры осуществляется в нашем исследовании с помощью сопоставления особенностей их концептуализации и функционирования их вербализаторов в различных типах дискурса. *Дискурс* – это текст, погруженный в ситуацию общения, или, по определению авторов Лингвистического энциклопедического словаря (далее – ЛЭС), «связный текст в совокупности с экстралингвистическими: прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [ЛЭС 1990: 136–137]. Данное определение, на наш взгляд, несколько размыто; нам ближе третья его часть, к которой, вероятно, следовало бы добавить, что дискурс – это совокупность текстов. При лингвокультурологическом подходе выделяется культурный дискурс – «совокупность текстов, свойственных определенной культуре» [Питина, Шкатова 2007: 36].

Одной своей стороной дискурс, как считают авторы Лингвистического словаря, обращен к прагматической ситуации, которая привлекается для определения его связности и коммуникативной адекватности, а также для выяснения его импликаций и пресуппозиций, для его интерпретации. Жизненный контекст дискурса

моделируется в форме «фреймов» (типовых ситуаций) или «сценариев» (делающих акцент на развитии ситуаций).

Другой своей стороной дискурс обращен к ментальным процессам, которые участвуют в коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи в тех или иных условиях. Анализ дискурса представляет собой междисциплинарную область знания, в которой наряду с лингвистами участвуют социологи, психологи, литературоведы, философы и др.

Презентация ментальных категорий (концептов) в различных дискурсах имеет свои особенности. Дискурс является уже достаточно испытанным и в определенной мере традиционным объектом лингвистики. По определению Е. С. Кубряковой, дискурс – это «... форма использования языка в реальном (текущем) времени, которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее существования и, конечно же, ее целями» [Кубрякова 2004: 525].

Дискурс как объект лингвистики рассматривается в различных аспектах: когнитивно-дискурсивном, коммуникативно-дискурсивном. По мнению Е. С. Кубряковой, при коммуникативно-дискурсивном подходе рассматриваются коммуникативно-прагматические цели, расчет, установки, ролевые позиции, прототипический вариант, жанровые особенности, тональность и др. При когнитивно-дискурсивном подходе особое внимание уделяется специфике репрезентации знака, моделированию картин мира, продуцируемых дискурсом, особенностям выражения интенций и др. [Кубрякова 2004: 528].

Но в рамках лингвокультурологического подхода не могут быть использованы исключи-

тельно когнитивные трактовки концепта и дискурса, так как в этом направлении изучаются процессы становления, развития, функционирования сознания в культурно-историческом аспекте, а когнитология, как пишет Г.В. Токарев, рассматривает мышление в аспекте продуцирования дискурса тем или иным индивидом.

Г.В. Токарев выделяет два измерения дискурса: реальное и потенциальное. В реальном измерении дискурс представляет собой текущую практическую деятельность и тексты, возникающие в ее процессе. В потенциальном измерении дискурс – это тезаурус различных по природе знаков, правил их использования, ориентированных на обслуживание данной коммуникативной сферы, совокупность текстов. Этот исследователь выделяет три аспекта изучения дискурса: семантический, синтаксический, прагматический. Из них нам ближе семантический аспект, так как в этом измерении изучаются интенции дискурса (назначения, установки) [Токарев 2004: 30–31].

Дискурс определяется социально-историческими и идеологическими факторами, будучи обусловлен продуцирующим его социальным институтом. В связи с этим выделяется институциональный дискурс, то есть, дискурс, определяемый типами сложившихся в обществе социальных институтов, который характеризуется рядом лингвистически релевантных признаков (цель общения, коммуникативная функция его участников, типовые обстоятельства общения и т. д.).

Е.С. Кубрякова считает, что тип дискурса обуславливается типом социальной активности человека, в рамках которой он осуществляется и с целями которой он согласуется. Дискурсы культивируют ту или иную идеологию, систему актуализированных ценностей. Идеология, в свою очередь, характеризует ту или иную социально-историческую формацию (например, советский социализм, капитализм и т. д.) [Кубрякова 2004: 527]. По мнению же Г.В. Токарева, дискурс, обслуживающий определенную формацию в потенциальном измерении, формирует дискурсивную формацию. Модель русской концептосферы, считает ученый, в целом состоит из разнообразных

картин мира, продуцируемых теми или иными дискурсами [Токарев 2004: 33].

Список типов институционального дискурса, по мнению Л.С. Бейлинсон, достаточно подвижен, исторически изменчив и может включать как четко очерченные, канонические типы (политический, религиозный, педагогический, научный, медицинский и др.), так и сложные для определения типы, например, спортивный дискурс, массово-информационный дискурс, который стремительно расширяется, объединяя в себе признаки других типов дискурса.

Институциональный дискурс противопоставлен персональному по признаку личностной либо представительской ориентации субъектов общения. Вместе с тем, считает Л.С. Бейлинсон, не существует абсолютно личностного и абсолютно статусного общения, институциональность имеет градуальный характер. Педагогический дискурс, например, включает больше элементов личностного общения, чем религиозный и политический [Бейлинсон 2001: 6–7].

Различные типы институционального дискурса обнаруживают специфику применительно к субъектам общения. Есть классические типы дискурса, в которых выделяются коммуникативные диады «агент – клиент» института, то есть полноправный представитель института и человек, обращающийся в этот институт для решения своей проблемы (священник и прихожанин в религиозном дискурсе, по нашему мнению) либо являющийся объектом институционального воздействия (политик и избиратель в политическом дискурсе). Есть и типы институционального дискурса, характеризующиеся принципиальным институциональным равенством (деловое общение профессионалов, научный дискурс). Общение агентов институционального дискурса наблюдается практически в любом его типе, наличие клиентов характерно лишь для некоторых типов дискурса, например, для религиозного, политического, педагогического, медицинского.

Выделяют следующие конститутивные признаки институционального дискурса: 1) специфическая цель общения, заключающаяся в решении определенных проблем, которые и обусловили существование соответствующего

института (борьба за власть в политическом дискурсе); 2) специфические обстоятельства общения, происходящего в рамках определенного социального института, и вытекающие отсюда официальность стиля, жесткая заданность тематики, наличие институциональных символов (облачение священника); 3) специфические характеристики участников общения – представляющих институт агентов и обращающихся в институт клиентов, выступающих в представительской статусно-ролевой функции; 4) специфические характеристики текстов, которые содержат знаки принадлежности агентов к социальному институту, прямо или косвенно выражают ценности этого института, соответствуют сложившимся жанрам в рамках определенного типа дискурса.

Наряду с конститутивными признаками институциональный дискурс в его конкретном проявлении неизбежно включает нейтральные признаки, которые относятся к любым типам дискурса и характеризуют общение как таковое, а также признаки, которые свойственны другим типам институционального или персонального дискурса, но спорадически встречаются в данном типе институционального дискурса (элементы религиозного в педагогическом дискурсе, элементы педагогического в политическом и т.д.) [Бейлисон 2001: 6].

В данной работе мы использовали для анализа современного состояния духовно-нравственных концептов два институциональных дискурса: религиозный (православный) и светский (в основном политический). В условиях смены культурной парадигмы (возвращение традиционных ценностей отечественной культуры, в том числе и религиозных), многие из концептов актуализировались в традиционном содержании в текстах СМИ, функционируют и в религиозном, и в светских дискурсах.

На современном этапе развития общества в России, как и во всем мире, наблюдаются тревожные антропологические тенденции, которые затрагивают все сферы культуры, в том числе и язык нации. Наряду с возвращением к традиционным отечественным ценностям можно наблюдать в российском обществе снижение нравственных регуляторов.

В религиозном дискурсе можно наблюдать многие базовые концепты русской культуры, значимые для всей концептосферы нашей лингвокультурной общности. Это многомерные образования, где актуализированы в основном слои с традиционным для отечественной культуры содержанием (без секулярных наслоений), что можно объяснить каноничностью всех понятий, имеющих отношение к православному вероучению, где особое значение придается соблюдению всех традиционных устоев, сохранению чистоты веры.

Несомненно, свою специфику имеет политический дискурс, понимаемый нами, соответственно, как совокупность политических текстов. В литературе, посвященной проблемам политического текста, отмечаются его следующие особенности. Политический текст – это: 1) текст, функционирующий в сфере политики; 2) текст, обладающий определенной тематикой, связанной с различными политическими вопросами; 3) текст, создаваемый человеком, занимающимся политической деятельностью.

По мнению П.Б. Паршина, «всякий текст оказывает воздействие на сознание адресата с семиотической точки зрения. Но для политического текста речевое воздействие является основной целью коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвистических средств» [Паршин 1986: 403]. Степень воздействия политического текста на адресата исследуется рядом авторов с позиции создания определенной политической картины мира в сознании адресата.

В новейшем политическом дискурсе обнаруживается вторичная идеологизация слов, возвращение идеологом советского политического дискурса. При этом наблюдается переосмысление значения слов и изменение контекстуальных условий их употребления. Многие духовно-нравственные концепты представляют собой на данный момент востребованные общественные ценности, что находит свое отражение в актуализации концепта в политических текстах. Рассмотрим, каким образом подобные концепты репрезентируются в религиозном православном и политическом дискурсах на примере концепта «Вера».

Этот базовый концепт, восходящий еще к языческому прошлому древних славян, тог-

да и по сей день одновременно реализуется в двух сферах: человек-человек и человек-Божественное (потустороннее), то есть, по своей природе вера разделена на нерелигиозную и религиозную. В первом случае это убежденность, глубокая уверенность в ком-чем-нибудь. Второй аспект, основной, – убежденность в существовании Бога, высших божественных сил, доверие и верность Ему. Вера – один из главных феноменов человеческой жизни, не требующая доказательств уверенность в существовании Бога, признании Его бытия, – Бога, создавшего мир и находящегося в духовной связи с людьми. В философском понимании «вера» представляет собой религиозную категорию, отражающую непосредственный и целостный акт свободного принятия человеком трансцендентного. Гносеологически вера раскрывается в особом познавательном акте, направленном на постижение реальности физически невидимой, она дает знание причины мира и порядка его существования. В акте веры реализуется предзаданность познания путем согласования при помощи веры выстраиваемой картины мира с религиозными и нравственными установками человека; непосредственное, личное отношение человека к Богу. Другим аспектом библейского понимания веры является доверие человека к личности Бога, любовь к Нему. Абсолютная верность Богу характеризуется в Библии через тождество слова и его исполнения. В православной традиции вера в Бога предполагает безусловное признание догматов религии, религиозных преданий и обрядов.

Концепт вербализуется в текстах православных СМИ:

Тем не менее, как бы ни был силен и страшен грех в мире, в ограде семьи могут сохраняться тепло любви, свет истинной веры («Православная газета». № 13/2006).

Сначала прихожан нужно научить вере, молитве, любви («Православная газета». № 37/2004).

Эту тему можно обозначить, говоря канцелярским языком, как неполное соответствие части духовенства пастырскому призванию, или, применяя для определения угасания внутрен-

него горения сердца и веры евангельский образ, сказать, что «светильники наши угасают» (Мф. 25, 8) («Православная газета». № 37/2004).

Внешне благополучная количественная статистика не дает представления о качестве внутренней духовной жизни, о содержательности и глубине веры, для проявления которых строятся храмы. Всего несколько священников проявили слабость, поддались страху или поверили лживым обещаниям мирских благ и отказались от веры и Церкви, были запуганы («Православная газета». № 39/2006).

Рассматриваемый вербализатор концепта характеризуется эквивалентной оппозицией со словами и сочетаниями *любовь, молитва, горение сердца (души), духовная жизнь* и др. Адъективы, характеризующие его, – это *истинная, православная, крепкая*. «Вера» обнаруживает полярные отношения с единицами *неверие, атеизм, вероотступничество, суеверие, мирские блага*.

Большинство духовенства со смирением, но и с несокрушимым мужеством отстаивало свои убеждения, свидетельствовало перед лицом смерти о своей вере. Но было и высокое горение души, была сильная, глубокая, искренняя вера, была верность своему пастырскому призванию («Православная газета». № 23/2005).

В православных изданиях концепт «Вера» реализуется в сфере человек-Божественное, как не требующая доказательств уверенность в существовании Бога, создавшего мир и находящегося в духовной связи с людьми. Как показывает рассмотренный материал, данный концепт является одним из самых актуальных для религиозного дискурса, воплощает самое святое для православного человека и в таком традиционном содержании отражает исконные духовно-нравственные ценности отечественной культуры (вспомним, что издревле русский народ сражался с врагами «За веру, царя и Отечество!»). Этот концепт, на наш взгляд, также занимает центральное место в духовно-нравственной части русской концептосферы, формируя в числе других традиционных концептов аксиологию общенародной культуры.

Русский политический дискурс начала XXI века продуцирует определенную карти-

ну мира наших соотечественников, в которой концепт «Вера» реализуется преимущественно только в сфере «человек-человек» — это убежденность, глубокая уверенность в ком-чем-нибудь. Разумеется, это сугубо светский аспект; традиционное содержание концепта, связанное со сферой человека и Божества, выхолащено советской идеологией.

Хочу всем пожелать, несмотря ни на какие трудности, не терять веру в счастливое будущее. Когда у человека есть вера, он может преодолеть все, но потеря ее может быть убийственной. Душа у ребенка сохранилась чистой и вера непоколебимая («Рабочая газета». № 4/2007). В приведенном примере из текста политического дискурса, как видно, не идет речь о вере в Бога.

В такой трактовке нам этот концепт представляется обедненным в содержательном отношении, для политического дискурса он не является актуализированным и не входит в ядерную часть светской картины мира. Для секулярного мировоззрения данная аксиологическая категория не является доминантной, что, на наш взгляд,

обусловлено, помимо утраты веры в Бога, еще и разочарованием в различных общественных реалиях: политическом строе, государственной власти, крушением коммунистических, а затем демократических иллюзий.

Литература:

1. Бейлинсон, Л.С. Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.С. Бейлинсон. — Волгоград, 2001. — 18 с.
2. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 555 с.
3. ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
4. Паршин, П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции / П.Б. Паршин // Системные исследования. — М.: Наука, 1986. — 464 с.
5. Питина, С.А. Лингвокультурология: краткий курс лекций / С.А. Питина, Л.А. Шкагова. — Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2007. — 105 с.
6. Токарев, Г.В. Дискурсивные лики концепта: Монография / Г.В. Токарев. — Тула: Изд-во Тул. ун-та, 2004. — 325 с.

Русаков В.М.

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОГО МАРКСИЗМА

Русаков
Василий Матвеевич

доктор философских наук, профессор
Институт международных связей, г. Екатеринбург,
вице-президент МАДИ

Марксизм рассматривает общество как сложноорганизованную систему, в которую вовлечены наделенные сознанием и волей люди, а также вещи. Он стремится показать многостепенные сложно организованные цепи опосредований и опосредствований, которыми связаны происходящие процессы и участвующие в них люди.

Многостепенные и сложные опосредствования ведут к двум важным следствиям: к *замещениям* и *вытеснениям* а это, в свою очередь, является причиной конечного *превращения формы* протекающих процессов. В результате, взаимосвязи, составляющие сущность системы, многократно опосредуясь, вытесняются и замещаются, что приводит в итоге к превращению формы данной системы и она становится нераспознаваема с точки зрения сущности ее, иначе говоря, сущность системы начинает проявляться столь опосредованно, что «уходит с поверхности явлений» и ее открытие превращается в загадку, тайну.

Необходимость такого описания социальных процессов и систем, понятное дело, диктовалась